

ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ НИЧТО vs НЕЧТО

Философские основы проблемы БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ. Осмысление категории негации, ее лингво-когнитивных аспектов является весьма актуальным в русле изучения синергетического статуса языка, его секторов, отражения динамики становления научной картины мира. Актуальность темы объективируется значимостью онтологической и гносеологической сущности основного вопроса БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ.

На вопросах бытия::небытия фокусируют внимание многие ученые. Особый интерес для осмысления этой проблемы представляет обращение к лингво-когнитивным истокам. Философские аспекты проблемы представлены широкой амплитудой воззрений на феномен неуловимого, ирреального, неопределенного, безмерного хаоса – в русле трансцендентности, символики и веры [2: 21–25]. Главенствующими здесь являются вопросы бытия в мире и человека в мире [13: 18–26]. В поиске ответов срабатывает триада осмысления: быть или не быть / познать или не познать / место человека в познании сущего. Рождаются новые образы, видения действительности, концепты и средства оязыковления. Виртуозные размышления мыслителей остаются открытыми для понимания загадочной сущности НИЧТО.

Все, что в мире нам радует взоры, – ничто.

Все стремления наши и споры – ничто,

Все вершины Земли, все просторы – ничто.

Все, что мы волочем в свои норы, – ничто (Омар Хайям) [23].

Люди постоянно задумываются над вечными вопросами возникновения мира, человека, языка, начала всего сущего [3; 8]. НИЧТО постоянно сопутствует ученому, философу, простому человеку, оно пугает, отталкивает от себя, притягивает к себе, генерирует идею о тщетности поисков бытия/небытия. о «может быть-философии»:

Может быть, это есть.

Может быть, этого нет.

Может быть, это есть и этого нет.

Может быть, это невыразимо.

Может быть, это есть и это невыразимо.

Может быть, этого нет и это невыразимо.

Может быть, это есть и этого нет, и это невыразимо [23].

Человек с трудом, заблуждениями приближается к Истине, познанию сущего и его особенностей. Эти вопросы преследуют нас по пятам, грозят разрушением и смертью. О небытии мы почти ничего не знаем [11]. В гносеологическом домене царят мифология, вера в загробный мир, в царство мертвых – Аид. Наука молчит о небытии, говорят философы. «О НИЧТО наука

ничего знать не хочет» [13: 16]. Полагают, что бытие всегда появляется в пределах человеческого ожидания [5; 14].

Г. Гегель диалектически подходит к проблеме: НИЧТО существует в мышлении, в языковом представлении, субъективно. «Чистое бытие и чистое ничто суть поэтому одно и то же» [1]. Само бытие в своем существовании обнаруживается в трансценденции выдвинутого Ничто. Проблема Ничто – источник отрицания. Ожидания не всегда оправдываются: имеют место пустоты, ничто вместо чего-то.

Доминантными являются философские обобщения:

– Бытие есть самоуничтожающее НИЧТО;

– Самоуничтожение, аннигиляция бытия приводит к небытию (НИЧТО)

[1].

За исходную позицию в философской системе Гегель принимает бытие: небытие – часть бытия, его отрицание, отсутствие чего-то реального, существующего, момент отношения к своей противоположности. Атомы «чего» – существующие, атомы «ничего» – несуществующие. Пустота не менее существенна, чем реальное. Пористые тела состоят из атомов и пустот. Демокрит считает, что никакая вещь не может возникнуть из ничего. Небытие содержит в себе момент бытия. Существует два НИЧТО: предметное НИЧТО – из сферы относительного бытия, беспредметное НИЧТО – из сферы абсолютного небытия. Достоянием бытия является пространство и время. «*Время есть отношение бытия к небытию*» (Достоевский Ф. М.). Достоянием небытия являются бесконечность и вечность – как феномен, лишенный хронотопа. Небытие – изнаночная сторона бытия. Небытие «внутри» напоминает его прошлое и пронизывает его, предполагает выход из небытия и вхождения в него. «*Жизнь – это очень короткое время между двумя вечностями*» (Карлейль Т.). Закон отрицания отрицания действует универсально.

Языковая категория негации. Проблема Ничто в языке представлена по-особому. В этой семиотической системе отражается ментальная деятельность, результаты познания мира оцениваются в семах «да / нет», «наличествует / не наличествует», «явный / лакунарный», «позитивный / негативный», «утвердительный / отрицательный». Значения негации (отрицания) экстерииорируются на всех уровнях языка: морфемном, лексическом, грамматическом и фразеологическом. К морфемным средствам негации относятся аффиксы (префиксы и суффиксы), которые пролонгируют исходные корневые морфемы, модифицируют их семантику, маркируют результаты эпидигматического процесса. В английском языке продуктивными являются суффиксы *-less, -free*. Ср. англ.: *fearless, hopeless, dutyfree, carefree*.

«Не»семантика актуализируется в лексемах типа англ. *unhappy, irrelevant, impossible, reluctant*, т.е. в поверхностной и глубинной структурах. Негация обозначается номинативными и коммуникативными единицами на векторах поверхностных и глубинных структур. Парадигма «НЕ»маркеров представлена в частеречном кластере, что объективирует наличие категории небытия в

языковой картине мира. Сема «не» номинируется однословно (моноксемно) и многословно (полилексемно). Моноксемные единицы экстериоризируют негацию своей поверхностной структурой (*impossible, never*) или имплицитно ее (негацию) глубинным смыслом (*stupid «not wise», silent «soundless»*). Полилексемные единицы выражают сему «не» мультипликативно, комплексно, образными и безобразными средствами. Например: англ. *It was impossible to explain the sense of peace* [18: 33]; *Leola never did her readings for money* [18: 47]; *And she was stupid* [18: 63]; *At long last, he fell silent* [18: 106]; *I would totally destroy this place* [18: 70]; *They always say in stories how folks go speechless with shock* [18: 72]; *This has nothing to do with ideology* [22: 7]; *They will always be helpless* [22: 7]; *Nothing is impossible with him* [22: 32]; *The boy's mouth opened in soundless pain* [22: 36]; *I have nothing left but you* [22: 758]; *The air became heavy, immovable, still* [22: 763]; *I won't leave you* [22: 7]. Лексическая негация осуществляется при помощи слов и словосочетаний. Лексические маркеры представлены в основном дериватами, исходные единицы которых семантизируют полярные оценки. Сукцессивное конструирование на векторе от познанного к непознанному верифицирует наличие антонимической дихотомии (англ. *happy* → *unhappy*, *possible* → *impossible*; русс. *много* → *немного*, *здоровый* → *нездоровый*, *счастливый* → *несчастливый*, *пустой* → *непустой*). Частеречная негация представлена:

– существительными: англ. *nonsense, unhappiness, lacuna, gap, nothingness, denial*;

– местоимениями: англ. *no, none, nobody, nothing*;

– прилагательными: англ. *empty, blank, untrue, missing*;

– глаголами: англ. *to negate, to omit, to forget, to fail, to lack, to undo*;

– наречиями: англ. *never, negatively, unhappily*,

– синтаксическими формантами: англ. *unless, until, neither ... nor*.

Ситуативные маркеры негации представлены дескриптивно / имплицитно. Словосочетания, материализующие отсутствие референтов или признаков статичности / процессуальности, представлены синтаксическими (свободными) или фразеологическими полилексемными единицами. Таким образом, в процесс оязыкования негации вовлекаются:

– слова: *неправда, безмолвие, никто, безверие*;

– словосочетания: *безмолвная тишина* [10: 51], *бессмысленных стихов* [10: 91], *непринужденное упоение* [10: 102], *нежданный сон* [10: 126], *нескромные стихи* [10:151], *друг мой неизменный* [10: 152], *не славный я поэт* [10: 160];

– полнозначные и служебные части речи: *Дудел я непрестанно, несладно, хоть играл, по музам не скучал* [10: 178]; *Где ты ныне, что никто тебя не зрит?* [10: 62]; *Немые взоров обращенья не стоят признаков похвал* [10: 87]; *Недавно темною порою* [10: 131]; *Не приходи стучаться у дверей* [10: 125]; *Горькие печали не тронут детства тихих дней* [10: 45]; *Я не нашел чуть видимых следов* [10: 102];

– фразеологизмы: *не откладывай до завтра, что сегодня можешь выполнить; ни жив ни мертв; ни то ни се; ни рыба ни мясо; ни дать ни взять; ни пава ни ворона* и т. п.

В группе фразеологизмов обособляются блоки с числительными, которые в этом контексте используются в качестве декоративного шарма и аллюзии. Последняя заявляет о своем статусе правомочности и значимости («без вреда аллюзии со стороны иллюзии» [6]). Ср. англ.: *nine worthies* «знаменитые люди»; *seven wonders* «чудеса мира»; *a cat has nine lives* «живучий»; *as cross as (two) dogs over a (one) stone* «злой, как собака»; *as like as (two) peas* «похожий». В несерьезных ситуациях количественные слова используются в качестве аттрактора, шутки. Ср. англ.: *If you take three from seven, what difference does it make? – That's what I say*; русс.: *Сколько стоит это кольцо? – 10 тысяч. – Черт! А это? – Два черта.*

В английском языке обособляется группа канонизированных клише с формантами негации: *Whether or no* «*in either case*»; *no more* «*not any more*»; *no sooner than* «*as soon as*»; *no problem* «OK»; *no go* «*no use*»; *You don't mind – No, I don't*; *no great skill* «*little skill*»; *no end of joy* «*much joy*»; *no smoking* «*prohibition*»; *endless trouble* «*much ado*».

Феномен синкретизма (реализации двух и более значений) срабатывает в номинативных и коммуникативных единицах, реализующих прагматические интенции, пожелания, советы, наставления, несогласия, запреты. Ср. англ.: *Don't run before a policeman*; *Don't count chicken until they are hatched*.

Среди грамматических средств отрицания весомое место занимают глаголы изъявительного, условного и императивного наклонений. Ср. англ.: *If wishes were horses, the beggars would ride horses*; *You must have misunderstood* [16: 32]; *You just couldn't trust people* [21: 53]; *Don't you be making a joke of it, John, 'cos it's not funny* [17: 5]; *If you destroy it, you'll be setting scientific development back for years* [16: 15]; *They could just be friends neither of them believed* [21: 20]; *But don't be long* [16: 13]; *If they leave till next spring, it'll be twice as bad* [16: 131]; *But you don't have to help* [16: 28].

Отрицание в предложении указывает, что связь, установленная между компонентами предложения, по мнению говорящего, не существует; или исходные предложения отвергаются говорящим.

В синтаксическом дизайне негативные конструкции востребованы во всех блоках предложения, в функции подлежащего, сказуемого, дополнения, определения и обстоятельства. Например, англ.: ... *there were unrevealed elements* [16: 13]; *My intention has never been to do a hatched job* [16: 14]; *No donation could be made...* [16:15]; *It wasn't of her religious convictions. She's not upset* [16: 20]; *She never let him forget* [16: 22]; *George Kelly detested spirits* [16: 24]. Синтаксический дизайн негативов представлен доминирующими группами подлежащего и сказуемого, к которым примыкают группы определения и обстоятельства. В предложениях негация оязыковляется всеми блоками с той лишь разницей, что при сказуемом она носит общий характер.

Таким образом, негативные маркеры срабатывают в номинативных и коммуникативных единицах. Номинативные единицы представлены

моноксемными и полилексемными единицами, а полилексемные – свободными и фразеологическими словосочетаниями, соотношение которых в нашем эксперименте составляет 9 : 1. Вербальные маркеры негации реализуются в блоках сказуемого (5 частей эмпирического материала), определения (2 части), обстоятельства (1,5 части), подлежащего (1 часть), дополнения (0,5 части). Фразеологические единицы составляют 1/10 корпуса словосочетаний. Мононегативность в исследуемых единицах является ведущей – 9/10.

Синтаксические форманты негации задействованы в сложных конструкциях типа англ.: *Grace wouldn't sit before the picture unless my mother held her* [16: 33]; *I'm afraid I mortified her without meaning it* [16: 132]; *Whatever you discussing it can wait until tomorrow* [16: 8]; *No, unless they are hiding* [16: 14].

Отдельные слова содержат внутрилексемные отрицания. Особо потенциальными являются *small words* и синтаксические форманты отрицания (предлоги, служебные слова, союзы). Ср. англ.: *I feared lest I should be late; And you refused, Joe, you keep me off my feet* [22: 14]; *Why is it that you reject love and tenderness* [22: 508]; *to get on – to get out; to fall in love – to fall out of love; all day round service, but now; I neither turn away no to* [22: 551].

Не все облака приносят дожди, не все мысли вынашиваются и оязыковываются. В нашем эксперименте Ничто ословливается в корпусе глаголов (323 позиции), прилагательных (235), наречий (176), частиц (106), местоимений (76), существительных (42), союзов (42). Чаще всего семантизируют негацию формы глаголов в роли сказуемого, обозначающего состояния или действия.

В текстах отрицание представлено эксплицитно и имплицитно посредством формальных и семантических девиаций исходных языковых единиц. Ср. англ.:

No enemies

You have no enemies, you say?

Alas, my friend your boast is poor;

He who has mingled in the fray of duty

That the brave endure,

Must have made foes!

If you have none,

Small in the work.

That you have done.

You've hit no traitor on the hip,

You've dashed no cup from perjured lip,

You've never turned the wrong to right,

You've been the coward in the fight (by Mackay).

Иронический шарм подобных текстов объективируется сравнением буквального и небуквального. Ирония таких текстов, говорят, является единственным оружием беззащитных.

Семантическая инконгруэнтность, алогичность актуализируются в стилистических приемах оксюморона, зевгмы, в окказионализмах типа англ.:

smallest city, crowded loneliness, crying silence, sweet sorrow; to lose one's heart and necklace, to drink tea with wife and sugar.

Изречения несерьезного наполнения используется в качестве непрактичных алогичных сентенций, которым присущ эффект непривычной сочетаемости. Ср. англ.: *Nothing can mend a broken heart. – Except re-pairing* [9: 200]; *What is the meaning of the word matrimony? – It's not a word, it's a sentence* [9: 152]; русс.: *Собака умнее бабы, на хозяина не лаает; Без денег не может быть леди; Его глаза не врут, они правдиво говорят, что их хозяин плут; Верные слова не изящны; Красивые слова не заслуживают доверия; Добрый не красноречив; Красноречивый не может быть добрым; Знающий не доказывает, доказывающий не знает* (Цзы, Лао); укр.: *любив козак дівчину і з сиром пироги; Василь бабі в сьомих сестрах.*

Отрицание в текстах представлено биполярно – мононегативно и полинегативно [4]. Ср.: англ.: *The best way to keep your friends is not to give them away* [9: 175]; *A wise man is one who noes a lot* [9: 193]; *Are you looking for me, old man? – I don't even know your old man* [9: 272]; русс.: *Нет, нет, ни счастьем, ни славой, Ни гордой жаждою похвал Не буду увлечен* [10: 156].

Негация представлена эмоционально и образно в поэзии. Ср. русс.: *Не в силах зреть себя в прозрачности стены* [10: 40]; *Не Вы неустовству и гордости пределы!* [10: 54]; *Взгляни: они бегут, озреться не дерзают, их кровь не перестает в снегах реками течь* [10: 55]; *Не делал доброго, однако был душой* [10: 93]; *Никто следов уж не приметит* [10: 139]; *Другой, рожденный быть вельможей, не честь, а почести любя* [10: 164]; *Мой век невидимо проходит* [10: 156]; *Не слышен битвы шум* [10: 96].

Стилистические средства негации отмечены полинегативностью на векторах параллельных конструкций, образных выражений, повторов посредством интеграции полнозначных слов и синтаксических формантов. Языковая полинегация создает эффект плеоназма, избыточности и требует внимательного декодирования, глубокого прочтения. Например, англ.: *You can't go advertizing to take people hunting somewhere it's illegal to hunt* [18: 3]; *There was no response, no movement, nothing* [18: 78]; *They will always be helpless until they are aware of their real enemy* [22: 7]; *Not unwise, not otherwise, not bad*; русс.: *Никто не вспомнит их* [10: 65]; *Хоть право, не знаток, Но здесь на тебя не смею Хвалы сплестать венки* [10: 68].

Алогичные невалентностные характеристики оязыковляет зевгма, в которой реализуется отрицание на сочетабельных параметрах. Ср. англ.: *she lost her heart and necklace; she put on the kettle and the smile on her face; he drank his tea with sugar and wife.* Неестественно звучат референты в следующих оксюморонных словосочетаниях: англ. *a dog of a friend, a devil of woman, the giant of a man, the boy of the girl; low skyscrapers, horribly beautiful, sweet sorrow, crying silence, poorest millionaire, darkly pure, open secret, crowded loneliness, worst friend.* Таким образом, алогичные стилистические приемы являются ожидаемыми в их негативном наполнении.

К контрастивным стилистическим приемам принадлежат антитеза, гипербола и литота, которые оязыковляют негацию имплицитно. Ср. англ.:

*Some love too little, some too long,
Some sell, and others buy;
Some do the deed with many tears,
And some without sign:
For each man kills the thing he loves,
Yet each man does not die* (O. Wilde).

*Тот любит слишком, этот – мало;
Те ласки продают,
Те покупают, те смеются,
Разя, те слезы льют.
Возлюбленных все убивают, –
Но все ль за то умрут*

(пер. В. Брюсова)

Гипербола оязыковляется на векторе преувеличения, нарушения количественных аспектов денотатов типа англ.: *a giant of a woman; haven't seen you for ages; violently aged; in thousand years of peace, out thousand years of war.*

Литота как и другие небуквальные стилистические приемы реализует негацию, которая представлена субъективно, неожиданно, эмоционально, англ.: *a woman of a pocket size, a sparrow of a girl.* Традиционными в английском языке являются выражения с семой «кусочек», «мало» на векторе категории Нечто. Ср. англ.: *a piece of bread, a bar of chocolate, a cake of soap; a bit of coward, a lump of sugar, a lump of selfishness, a nest of rabbits.*

Особую группу представляют парадигмы синонимов и антонимов, которые реализуют негацию внутрилексемно и имплицитно.

Антитеза часто реализуется совместно с иронией, контрастом, посредством синонимических и антонимических единиц. Ср. англ.:

*Crabbed age and youth
Cannot live together:
Youth is full of pleasance,
Age is full of care; ...
Age is weak and cold,
Youth is wild and Age is tame:
Youth, I do adore thee
Age, I do abhore.*

(W. Shakespeare)

*I like the taxes, when they're not too many;
I like a sea-coal fire, when not too dear;
I like a beef-steak, too, as well as any;
Have no objection to a pot of beer;
I like the weather – when it is not rainy*

(G. Byron)

Негативные конструкции в несерьезных изречениях создают эффект алогичной несовместимости, непредсказуемости, лингвистических курьезов, которые «посмеиваются» над привычными сентенциями. Ср.: англ.: *When I am good I am very, very good; When I am bad I am better; Woman is at once the serpent, the apple and bellyache;* русс.: *Старый друг лучше двух подруг; Старость не радость, а молодость гадость; Деньги не пахнут, потому что их отмывают; За двумя зайцами погонишься, а одного пристрелишь; Кто поспел, того и съели; Лучшее переспать, чем недоесть; Баба с возу – и волки сыты; На чужой каравай – где сядешь, там и слезешь; Молчание – единственная вещь из золота, не признаваемая женицинам;* укр.

*Не живе ледачий – де кипить робота,
Не кується слово там – де твань болота,*

*Не ростуть з граніту – пагінці багаті,
Не вживеться зрада – там, де правда в хаті,
Не снується тиша – в серці молодому,
Не спадають сльози з весняного грому,
Не бажає мати зла своїй дитині,
Не всихає річка, де трава в долині* (А. Малишко).

Курьезы народной этимологии построены на лакунах серьезного, научного видения: англ.: *He, who can, does; he, who cannot, teaches* (B. Shaw); *Vision is the art of seeing things invisible* (J. Swift); русс.: *шопен* – «продавец магазина», *хлопчик* – «киллер», *популизатор* – «подхалим», *графин* – «муж графини», *мельник* – «муж мельницы», *петух* – «куратор».

Невербальные маркеры отсутствия референтов (определенных состояний или действий) носят интрасемиотический и интерсемиотический, ситуативный характер. Прагматический поворот к исследованиям в научной картине мира стимулирует лингвистов к осмыслению природы естественного языка, охватывающего вербальные и невербальные средства общения в русле согласия / несогласия, присутствия / отсутствия, проблемы Нечто / Ничто. Здесь особое место принадлежит коммуникативному молчанию (силенциальному эффекту). Оно само не говорит, его толкует ситуация. Образ молчания / тишины оязыковляется, в частности, списком метафорических номинаций, стилистическими приемами и частеречными единицами. Ср. англ.: *silence anatomy, furious silence, murderous silence, silencing of silence, a gift of speechless, burst with speechlessness*. Значимость образа тишины / молчания на векторах Нечто / Ничто ословливается в определениях, толкованиях афоризмов. Ср. русс.: *Тишина – самый страшный и самый сильный звук вселенной в ее быстром беге* (К. Лифарь); *Тишина – это лучшее из всего, что слышал* (Б. Пастернак); *Пауза – место преклонения: перед песней* (Г. Айги); *Мои строки – лишь из отточий. Не «пустота», не «ничто» – эти отточия шушат (это «мир сам по себе)* (Г. Айги).

Молчание – это тишина (с содержанием), тишина – молчание ушедших (Г. Айги). Материальная ипостась звука переходит в «метафизическое измерение – ставшую музыкой тишину, где ведут безмолвный диалог: молчание ушедших и памятное молчание живущих».

Ср. русс.:

*«Кто услышал ропот вечности,
Для того беззвучен мир земной, –
Чья душа коснулась бесконечности,
Тот навеки проникся тишиной»* (К. Бальмонт).
«Это – некий час всемирного молчания» (Ф. Тютчев).
*«На воды пала тишина;
Молчит певица вешних дней
И тих полет полночи* (М. Лермонтов).

Персонифицированное молчание представлено образами поэтического дискурса. Ср. англ.: *speech is silver, silence is gold; trust your eyes and ears*; русс.: *Тиха украинская ночь, Прозрачно небо. Звезды блещут, Своей дремоты*

превозмочь Не хочет воздух; Все собрание призадумалось, Все в молчаньи потупили взор, И в молчанье закусил язык. Ко лбу перст приставил тщательно; Но молчал, – своей премудрости Он пред всеми не показывал; Того уж верно не скажу, Что говорит воображение; И тихо за порог выходит он в молчаньи, Окован мрачною безмолвною тоской; Смолк певец и тишина воцарилась в роще дикой; И тишину в вечерний час; «Молчи, молчи!» – Рассудок говорил. А тут Эрот: «Скажи: ты сердцу мил!» (А. Пушкин); укр. *Нащо мені словесна ласка, ти мовчанням мені кричи* (В. Симоненко).

Сага о паузах, тишине, молчании открыта для дальнейшего научного осмысления на векторах быть / не быть, говорить / молчать, разрешить / запретить – категории Нечто / Ничто.

Меняются научные парадигмы, меняются и подходы к ним, стабильно действующими при этом остаются процессы эволюции, инволюции, модификации языковых единиц, интеграции когнитивных и лингвистических векторов познания. Познавая мир, человек упорядочивает его и категоризирует [5]. Важнейшим принципом категоризации являются бинарные оппозиции сравниваемых маркеров.

Метазнаки категории негации. Мир, отраженный в языковой картине мира, есть не только окружающий человека мир, но и мир, созданный самим человеком – мир эмоциональных и ментальных состояний [7; 8: 52]. Это замечание относится к многоаспектным маркерам негации, объективирующих статус человека в процессе познания мира вещей и явлений. Метазнаки категории негации (как и другие слова) появляются, модифицируются, опустошаются, меняют свои параметры, сохраняют диахроническую память в наивных и научных картинах, являются ключом к осмыслению концептуализации и категоризации. Метазнаки Ничто представлены парадигмой терминов. Ср.: англ. *negation, absence, denial*, русс. *негация, отсутствие, отрицание*, которые занимают свою «нишу» в научных картинах мира. В грамматике русского языка метазнаку *отрицательный* отдается предпочтение: *отрицательное высказывание, о. слово, о. префикс, о. форма глагола, о. предложение, о. действие, о. сфера, полное о., частичное о., общеупотребительное о, фразовое о., смещенное о., слова с о. поляризацией, множественное о., избыточное о.* и т.д. [4: 354–355].

В научной картине мира в соревновании за статус доминирующего термина лидирует слово *negation*. Лидерство подтверждается его ассимиляцией в языках-реципиентах. Ср. графическую, семантическую и эпидигматическую модификации указанной лексемы: англ. *negative, negation, negate, nobody, nothing*; русс. *негация, негативный, никто, ничто, нигде, никогда*; укр. *негація, небіжчик, небога, ніхто, ніщо, ніде*.

В украинском языке показательным в модусе метазнаков является слово *заперечення*: укр. *заперечне речення, заперечування, заперечність, заперечно, заперечний (мат. від'ємний), заперечний (негативний) відзив, заперечна (негативна) відповідь, заперечний (заперечливий) жест рукою, заперечувати (в смислі відкидати)*.

Семантизация «не»референтов – это результат ментальных действий, маркирование которых осуществляется в наивной и научной картинах мира. К базовым метазнакам относятся англ. *absent, denial, negation*; русс. *отсутствие, пропуск, запрещение, лакуна*; укр. *відсутність, пропуск, заперечення*. Общим для этих синонимов является разделение на субгруппы, соотносящиеся с отсутствием референтов или действий. В лексикографических источниках лексема *absence* и ее производные эксплицируются посредством аллонимов *away, without, not present, being lost in smth*. Эквиваленты в русских источниках включают группу *отсутствие, пропуск, невнимательный, рассеянный, пропускающий занятия, отрицания* являются *отвержение, двойное отрицание, пустое место, отказ, отклонение, отрицательные черты, запрет, вето, отрицательное голосование, полное отрицание, частичное отрицание, категория отрицания, отрицательная величина, негативный, ничего (шутливое)*.

Семантизация слов детерминируется гетерогенными факторами, среди них – цели, задачи, тезаурус лексикографов, тип словаря, дизайн языка. Русское *отрицание* резонирует в английских метазнаках *absence, negation, denial*. Объективно действующий закон отрицания отрицания отражает процессы – деструкции, кумуляции и конструкции – известную триаду в научной картине мира и социальных модификациях (уничтожение старых отношений и создание новых стандартов и норм).

По логике негация (отрицание) осуществляется на базе исходных суждений, в результате чего появляются новые умозаключения, противоположные исходным утверждения, с семой «не». По Г. Гегелю антитезис есть негация, содержащаяся в вещах и понятиях. Это – условие всякого движения. По Ожегову негация – это то же, что отрицание. По Гайдеггеру негация – высказывание об отсутствии чего-то, что имеет место в бытии.

В корпусе лингвистических метазнаков в современной науке появляется термин *лакуникон*, который подарил научной картине Ю. С. Сорокин. Мотивация этого термина определяется морфологической структурой слова *лакун- + -он* по модели *лексикон*. *Лакуна* в диахронической памяти сохраняет денотативное значение. Этимонами слова были «озеро», «болотное место», «пустота», «каверна». Со временем, бытовое значение уступает место научному и закрепляется в междисциплинарной парадигме терминов. По законам эволюции метазнак *лакуна* детерминологизируется в русле бытового нетерминологического корпуса. Ср. русс.: *лакуна словарного запаса, лакуна в этикете, лакуна информации, лакуна молчания, лакуна юмора* и т.д. В научном лакуниконе исследуемое слово сохраняет не полностью исходные этимоны. За термином *лакуна* закрепляются семы «пропуск», «отсутствие», «пустое место». Ближайшие аллонимы англ. *blank, empty* верифицируют основное значение доминантного слова *лакуна*. Ср.: *blank paper (document, place, look), blank silence (window, lottery, dash), blank emptiness, empty glass, empty handed, empty street*. Исходные этимоны *lacuna* прослеживаются в объеме слов *space, cavity, hole, lake dwelling, omission, portion, smth which is otherwise continuous, missing*,

lost, absent. Лексемы *lacuna, lacunar, lacunal* в своем узусе «уступают» аллонимам англ. *empty, blank*. *Lacuna words* находят свои привилегии в научной картине мира. В триаде поиска Цели / Достижения / Проблемы (Goals / Gains / Gaps) исследуемый термин является ведущим. Задача поиска состоит в том, чтобы осмыслить его ризоматические векторы становления и адекватного статуса в современной парадигме метазнаков.

Канонизированными, закрепившимися в научной картине являются термины англ. *absence, denial, negative*, русс. *отсутствие, отрицание, негативы*, укр. *відсутність, негация, заперечення*, как такие, которые приобретают и эпидигматическую силу. Ср. англ.: *restlessly, speechlessly, nonetheless, inexplicitly, endlessly* (*Many man have too much will power It's won't power they lack* [9: 196]); укр. *німота, ніщота, слімота*

(На що пішли мої літа?

Туди ніщо не долетить,

А всіх нуртує, всіх кортить

В ніщо пішли мої літа.

З нічого вийшла ніщота ,

Марнота марна всіх марнот,

Банкрот уславлених щедрот

(І. Драч «Сізіфів меч»)).

Выбор метазнака в научной картине зависит от имманентной системы языка, его контактов с языками других ареалов, от интересов ученых, методологических тенденций, состояния научной парадигмы, от уровня цивилизации. Оязыковление отсутствия денотатов, предметов, понятий, признаков состояния феноменов, с одной стороны, и непризнания, отрицания каких-либо действий «вещей в себе», с другой, осуществляется посредством негативных маркеров (вербальных, невербальных, эксплицитных, имплицитных, частеречных, номинативных, коммуникативных, стилистических). Все это верифицирует наличие категории негации (ничто) в языковой картине мира.

Лингвокогнитивные аспекты категории Ничто vs Нечто.

Концептуализация мира происходит через язык путем представлений о мире, существующих в сознании [8: 51]. Идентификация метазнаков Нечто vs Ничто является актуальной для распознавания сущности вечной проблемы БЫТЬ И НЕ БЫТЬ. Ментальная деятельность человека отражается на линейных, вертикальных, радиальных векторах познания сущности этой проблемы. Концепты Нечто – Ничто (образы проблем бытия) оязыковляются по-разному. Скалярные оценки познаваемого объекта свидетельствуют о тернистом пути понимания «образа мира в слове явлений» (Б. Пастернак). На то она и мысль, что не всегда приходит, а когда приходит, следует глубоко задуматься о референте и его оязыковлении.

Признаки скалярной негации познаются путем осмысления состояния или действия референтов на векторе да::нет. В полярном представлении референтов обособляется группа с индефинитными семами, которые вербализируются

полнозначными и неполнозначными словами: англ. «instead of», «but», «a kind of», «nearly»; русс. «недо», «квази», «около». Ср. англ.: *Yer nearly knocked the ruddy door down* [17: 4]; ... *she stood listening to their talk instead of draining the potatoes* [17: 5]; русс.: *задумался немного* [10: 19], *немного истинных похвал, но много истинных чувств* [10: 100]; *не слишком мудрых усачей* [10: 157]. Скалярные синкреты маркируют индефинитные оценки в семах «мало», «немного», «приблизительно». Ср. англ.: *Rarely had Grace heard him so depressed* [17: 191]; *not fewer than five siblings became highly accomplished famous or rich* [16: 23]; *It was a war, not a game* [17: 6]; *can hesitate for a second or two* [20]; русс.: *тебе не много Бог послал* [10: 87], *недавно темною порою* [10: 131].

Скалярная прозрачность маркеров бытия / небытия срабатывает в морфемных структурах сравниваемых слов тип англ.: *blue – bluish, hill – hillock, girl – girlie, book – booklet, twenty – twentyish*. Линейная представленность этих дихотомий свидетельствует о последовательности конструкций, которые имеют семантическое и формальное расхождения. Исходные единицы в основном являются нейтральными, производные – пролонгированные девиации.

Скалярные синкреты прозрачно представлены в семи чудесах, этапах частеречного становления числительных: 1) предметный, 2) предметно-количественный, 3) количественный, 4) приблизительный, 5) фразеологический, 6) десемантический, 7) денумеративный. Частеречная семантическая девиация повествует о том, как каждый последующий этап лакунировал семы предыдущего. Количественное значение чистых числительных в условиях контекста постепенно уступает место аппроксимации и опустошению. Таким образом, семантика числительного детерминируется окружающим контекстом в условиях свободного или фразеологического словосочетания. Происходит негация (отрицание) предыдущего состояния в частеречном, на лексемном и на морфемном уровнях, т.е. в процессах грамматикализации и лексикализации. Ср. англ.: *three → (thrice, threefold); ten → (-teen, -ty); in her teens* «в ее молодые годы»; *white house* «дом, покрашенный в белый цвет» → *the White house* «Администрация США»; *a blue stocking* «синий чулок» → *a blue stocking* «строгий учитель».

Битва метазнаков продолжается на терминологическом поле. Номинации Нечто реализуют модус меры, способа измерения. Маркеры Ничто лишены атрибутов из-за отсутствия референтов. Группа Нечто представлена скалярно и полинегативно. Группа Ничто лишена статуса бытийности, признаков состояния и действия. Референты Ничто отмечены отсутствующим хронотопом (временным и локальным).

Парадигме Ничто сопутствует инертная природа – бесформенная, безвременная, бесструктурная, безатрибутная. Номинациям индефинитных феноменов (англ. *somewhere, something, somebody, somewhat*, русс. *некогда, некто, нечто*) присуще наличие чего-то (неконкретного, размытого, неполного). Таким образом, здесь объективируется материализация идеи «из ничего возникает нечто» [5]. Появляются референты, вещи, понятия – новые языковые образы (наивные и научные, буквальные и небуквальные,

секондарные и третичные, стертые и полузабытые) немного / много на скалярном векторе познания.

Валоративным представляется вопрос семантической дистанции метазнаков Нечто vs Ничто. Несмотря на общность вторых морфем (-что), решающая роль здесь принадлежит префиксальным морфемам *не-* и *ни-*. Лексемы Нечто указывают на бытие референтов, их скалярное представление в семах англ. «near», «after», «before», «more», «less», «something»; русс. «почти», «около», «близко», «свыше», «меньше», «типа». В этих случаях отсутствуют ригористические оценки бытия (+) или небытия (-), семантизируются приблизительные оценки (\approx). Статус Нечто в научном представлении изучается в работах В. В. Колесова, который особое внимание обращает на этимоны важных терминов ЛОГОС и РАЗУМ. Первосмысл этих терминов является важным источником понимания процессов познания. Зерно первосмысла генерирует паттерны: (задумано + сказано) → (сказано + сделано). Славяне в 10-м веке использовали слово *вещь* для обозначения сущего. Нечто – это зерно первосмысла, зашифрованное в слове рациональное восприятие сущего, признаки которого появились при падении Башни, при многовековом хождении людей по земле [5]. Семантизация адгерентных метазнаков, их аллонимов (как и других семиотических вербальных и невербальных знаков) – сложная задача, но весьма важная для верификации феноменов Бытия и Небытия. Маркеры Нечто сохраняют определенные хронотопные характеристики денотатов, в отличие от Ничто.

Метазнаки Нечто – Ничто имеют поверхностные (не- / ни-) и глубинные (наличие / отсутствие референтов) расхождения. Глубинные расхождения объективируют корреляцию Нечто-референтов с феноменом бытия чего-то. Таким образом, варианты лексем Нечто обладают глубинными структурно-семантическими характеристиками.

Меняются научные парадигмы, меняются векторы, тенденции исследования. Не меняется, остается вечной философская триада – Быть или не быть / Познать или не познать / Роль человека в познавательном процессе. Оязыковление концепта Нечто – Ничто отражается в эволюции метазнаков. «От частого употребления слова теряют свой смысл, изнашиваются, тускнеют. Даже такие философско важные термины, как Логос и Рацио. В таком случае становится необходимым вернуться к исходному их смыслу с тем, чтобы не запутаться в суждениях и стать виновником непонимания» [5: 47]. Когнитивистика, заявляет ученый, присвоила диаде Нечто vs Ничто новое имя *концепт*, перевела божественную энергию – слово Логос – на мирской уровень логической единицы сознания.

В оязыковлении НИЧТО-НЕЧТО феноменов в когнитивной (ментальной) деятельности отражаются процессы движения по кругу, в котором каждая точка осознается началом конца предстоящего начала. Понятия не изобретаются, не возникают из ничего. Понятия или идеи – это всегда о чем-то [6]. Проблема НИЧТО-НЕЧТО является дискуссионной, и не только в русле ее метазнаков. Обсуждаем, говорим много о том, чего не знаем, а желаем познать многое. Язык помогает выстроить мысли, создать концепции, подсказать пути –

неизвестные, но возможные. Возникают в когнитивном процессе три подхода к разрешению заявленной проблемы:

- 1) из ничто возникает ничто (Сизифов труд);
- 2) из чего-то возникает ничто;
- 3) из ничто возникает что-то.

В предпочтениях используем логические и языковые факты. Так, неизвестное представлено в ситуациях, в параметрах которых имеются известные величины. Например, найти X , если известно, что:

$$2 = X - 2, \text{ т.е. } X = 4.$$

Или загадка англ.: *What letter surrounds the British Isles? (Letters C по ассоциации с лексемой sea)*. Весомым критерием выбора направления познания является эпидигматическая сукцессивность, последовательность производящих и производных единиц: англ.: *no thing* → *nothing*, *no one* → *none*; русс. *ни кто* → *никто*, *ни что* → *ничто*. Процессы лексикализации, фразеологизации, эволюции языковых форм свидетельствуют об универсальном пути познания от известного к неизвестному, от буквального к небуквальному, от первичного ко вторичному.

Категория Ничто проявляется в эндозонах лексикона, грамматики и фразеологии, в модусах языка, речи и речевой деятельности. Маркеры небытия оязыковляются частеречно, эксплицитно, имплицитно, монологемно, полилексемно, полинегативно, монологемно. Успешное познание этого корпуса зависит от человеческого фактора, от компетенции, интенции, статуса, ментальных возможностей носителей языка.

Выбор метазнаков категории негации – сложное явление, как и сама проблема Ничто. Ожегов утверждает, что отсутствие – это почти негация. По традиции, легализованными являются интернациональное слово *негация* и его варианты. Ср.: англ. *negative words*; русс. *негативное предложение*; укр. *негативні конструкції; заперечне речення*. Слово *негация* сохраняет свой буквенный образ частично или полностью в разных языках. Ср.: англ. *never, no, no more*; русс. *некто, никто, нигде, никогда*; укр. *нема, ніхто, ніде*. Алогические суждения, нестандарты генерируют комические эффекты, которые восходят к серьезным ситуациям, абсурдным толкованиям отдельных явлений, небуквальным представлением бытовых сцен, амбивалентности шуток, стилистическим приемам иронии, гиперболы, литоты.

Идентифицирующим критерием объективности категории негации является процесс сравнения того, что есть, и того, что отсутствует. Результаты сравнения верифицируются в знаках «+», «-», «≈», семантизирующихся в номинативных и коммуникативных единицах. Номинативные представлены монологемными и полилексемными единицами, а полилексемные – свободными и фразеологическими словосочетаниями. Следует заметить, что в языках обособляются лексические поля негации, которое включает разные уровни – морфемный, лексический, грамматический и текстовой.

Средства выражения отрицания включают: отрицательные аффиксы, отрицательные формы глаголов и внутрилексемные конструкторы.

Феномен негации подразумевает отсутствие референта, с одной стороны, и предполагаемого, несовершенного действия, с другой, т.е. негацию, которая маркируется в блоках предложения и за его пределами невербальными и вербальными средствами.

Полинегативность не приветствуется в английском языке. К отрицательным словам относятся однозначные единицы, синтаксические форманты (частицы, союзы) и модальные слова [4].

Обращение к эмпирическому материалу показывает, что результаты познания мира представлены целой парадигмой языковых единиц [5]. Негация представлена лексико-грамматическими средствами – однозначными и неоднозначными словами. На синтаксическом уровне значение отрицания вербализируются всеми блоками предложения.

В английском языке плеонастическое (избыточное) отрицание избирает стилистические просторы языковой эндозоны. Модусы языка, речи и речедеятельности свидетельствуют о наличии дихотомий первичное::вторичное, присутствие::отсутствие, производящее::производное, изначальное::последующее, нечто::ничто.

Среди метазнаков категории НИЧТО используются лексемы *отсутствие, запрет, отрицание, негация, небытие*. Вопрос языковой негации остается открытым для последующих дискуссий. Для распознавания лингвокогнитивного модуса категории НИЧТО правомерным представляется исследование становления релевантных единиц на материале процесса эволюции/инволюции – номинации результатов когнитивного опыта, с одной стороны, и метазнаков лингвистической картины мира, – с другой.

Перспективным представляется исследование проблемы Нечто vs Ничто в русле: углубления лингвофилософского осмысления проблемы Нечто vs Ничто; идентификации глобальных структур концепта Нечто vs Ничто; объективации терминов проблемы Нечто vs Ничто в научной картине мира; адгерентности феноменов лакунарности и негации; изучения лакунарности в модусах языка / речи / речевой деятельности; осмысления поливалентности однозначных и служебных слов с семами негации; скалярной представленности внутрилексемной негации; моделирования языковой парадигмы маркеров негации.

Литература:

1. Гегель Г. Наука логики / Г. Гегель // Соч. в 3 т. Т.1. – М. : Мысль, 1970. – 501 с.
2. Дмитриева В. А. Методологическая функция категории НИЧТО в современной философии / В. А. Дмитриева // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 1. – С. 22–25.
3. Дмитриева В. А. Соотношение категории НИЧТО и нигилизма / В. А. Дмитриева. – Вестник ПАГС, 2012, №4(33). – С.131–135.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / главный редактор В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С.354–355.

5. Колесов В. В. Рациональное в Ratio / В. В. Колесов // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: сборник статей / отв. ред. М. В. Пименова. – М.: ИЯ РАН, 2011. – 896 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып.15). – С. 37-41.
6. Колесов В. В. Ментальность как картина концептуального и лингвального миров / В. В. Колесов // Лингвистика XXI века : сб. науч. ст. : к 65-летию юбилею проф. Л59 В.А. Масловой / соред. В. В. Колесов, М. В. Пименова, В. И. Теркулов. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2013. – 944 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 3). – С. 13–20.
7. Маслова В. А. Дружба как базовый концепт русской культуры / В. А. Маслова // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: сборник статей / отв. ред. М. В. Пименова. – М.: ИЯ РАН, 2011. – 896 с. (Серия «Концептуальные исследования», Вып.15.) – С.48–59.
8. Пименова М. В. Языковая картина мира: [учебное пособие] / Марина Владимировна Пименова. – Изд. 2 – Кемерово : КемГУКИ, 2011. – 106 с.
9. Почепцов Г. Г. Язык и юмор (на английском языке) / Г. Г. Почепцов. – Киев, 1974. – 378 с.
10. Пушкин А. С. Сочинения в трех т. Т.1. Стихотворения; сказки; Руслан и Людмила : поэма / А. С. Пушкин. – М.: Худож. лит-ра, 1985. – 735 с.
11. Сапронов П. А. Путь в Ничто. Очерки русского нигилизма / П. А. Сапронов. – СПб.: Издательский центр «Гуманитарная Академия», 2010. – 399 с.
12. Сартр Ж. П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М., 2000. – С.255–256.
13. Солодухо Н. М. Понимание онтологического статуса небытия / Н. М. Солодухо. – Известия КГАСУ, 2006, №1(5). – С.126–128.
14. УнарOVA Любовь Дорofеевна. Поведение человека : социально-философское осмысление: монография : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 09.00.11 – «Социальная философия» / Л. Д. УнарOVA. – Москва : ИД «Акад. естествознания», 2012. – 199 с.
15. Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер // Статьи и выступления: пер. с нем. / сост., пер., вступ. ст., коммент. В. В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
16. Cross Gillian. The Demon Headmaster takes over. – Oxford, 2004. – 177 p.
17. Jonker Joan. Strolling with the one I love. – London, 2003. – 467 p.
18. Hayden Torry. Innocent Foxes. – London, 2011. – 347 p.
19. Sheelagh Kelly. A different kind of Love. – London, 2003. – 615 p.
20. Spade James. Grace. The secret Lives of a Princess. – New Jersey, 1987. – 450 p.
21. Steel Danielle. Five Days. – Great Britain, 1996. – 348 p.
22. Taylor Caldwell. Captains and the kings. – New York, 1993. – 814 p.
23. http://www.sunhome.ru/books/b.kniga_nebytiya.

Швачко, С.А. Лингво-когнитивные аспекты проблемы ничто vs нечто [Текст] /С.А.Швачко// Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке: коллективная монография: к 80-летнему юбилею профессора В.В. Колесова; отв. соред. М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – Киев: Издательский Дом Д. Бураго, 2014. -(Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 5). - С.349-364.